

«Подозрительные немцы»: агенты и военнопленные Центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны

Дмитрий Викторович Киселёв,

китаевед, независимый исследователь,
выпускник Дальневосточного государственного университета (ДВФУ), Москва.
E-mail: levkis@hotmail.com

В работе освещены малоисследованные аспекты деятельности подданных Германии и Австро-Венгрии в Маньчжурии в годы Первой мировой войны. Уже в первые месяцы конфликта на территории Северо-Восточного Китая развернулось противоборство военных разведок России и Германии. Последняя опиралась в своей деятельности на германское консульство в Мукдене, отделения германских торговых фирм в различных городах Маньчжурии, а также на отдельных подданных Германии и Австро-Венгрии. С российской стороны им противостояли контрразведчики штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи и сотрудники консульских учреждений. Активность германских агентов в наибольшей степени проявлялась в антирусской агитации, сборе военной информации и помощи беглым военнопленным армий Центральных держав, проникавшим в Маньчжурию из Сибири. Попытки организации диверсий в отношении объектов российской военной и железнодорожной инфраструктуры (в т.ч. с использованием местных китайских криминальных элементов) предпринимались реже и имели весьма малый успех.

Китайские власти Маньчжурии активно включились в борьбу с деятельностью германских и австрийских агентов после вступления Китайской Республики в войну на стороне Антанты. В отношении беглых военнопленных Китай осуществлял политику интернирования с содержанием в специальных лагерях и последующей репатриацией. Что касается России, то активность её контрразведывательных структур в Маньчжурии снижалась по мере нарастания внутреннего социально-политического кризиса и окончательно сошла на нет после революции 1917 г.

На основании большого объёма неопубликованных архивных материалов автор прослеживает изменения в положении германских и австро-венгерских подданных в Маньчжурии в 1914—1915 гг., отмечает возрастание роли китайских органов власти в сфере контроля за их пребыванием и деятельностью.

Ключевые слова: Китай, Маньчжурия, Первая мировая война, разведка, контрразведка, пропаганда, военнопленные, побег, интернирование.

**“Dubious Germans”: agents and prisoners of War
of Central Powers in Manchuria during World War I.**

Dmitry Kiseljov, Moscow, Russia. E-mail: levkis@hotmail.com

The paper describes the underresearched aspects of German and Austrian-Hungarian subjects' activity in Manchuria during World War I. Already in the first months of the conflict, confrontation of Russian and German military intelligence broke out in the North-East China. The German intelligence had bases in German consulate in Mukden and divisions of German trade firms in diverse Manchurian cities and used services of specific German and Austrian-Hungarian subjects. On the Russian part, counterintelligence agents of Zaamursky district command staff, Special Border Guard Corps, and consulate organizations' employees opposed them. The German agents' activity was expressed mostly in collecting military information, anti-Russian propaganda and assistance to double-quick prisoners of war of the Central Powers' armies entering Manchuria from Siberia. The sabotage attempts in respect of Russian military and railway infrastructure objects (including the ones using local criminals) were performed less frequently and had little success. Chinese authorities of Manchuria actively joined the control of German and Austrian agents' activity after the Republic of China had entered the war on the Entente's side. In respect of double-quick prisoners of war, China performed policy of internment and custody in concentration camps and the further repatriation. As for Russia, the activity of its counterintelligence organizations in Manchuria decreased as the domestic social and political crisis grew coming to nothing after the Russian revolution of 1917.

Using a large amount of unpublished archive materials, the author follows the changes in the position of German and Austrian-Hungarian subjects in Manchuria in 1914—1915 noting the emerging role of Chinese authorities controlling their place of residence and activity.

Key words: China, Manchuria, World War I, war, intelligence, counterintelligence, propaganda, prisoners of war, escape, internment.

В1914 г. на территории трёх провинций Северо-Восточного Китая (Маньчжурия) проживало некоторое количество подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции. При этом ни китайские власти, ни русская администрация полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) никак не ограничивали их трудовую и коммерческую деятельность. Только в Харбине насчитывалось 560 немцев [6, р. 60]. После 1905 г., в связи с широким открытием Маньчжурии для иностранной торговли, присутствие Германии и Австро-Венгрии в регионе ещё больше усилилось, а в Мукдене (совр. г. Шэньян) появилось германское консульство.

С началом Первой мировой войны командование Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ЗО ОКПС) и официальные представительства России начали осуществлять комплекс мер по контролю за проживающими в Маньчжурии немцами с целью предупреждения враждебных действий в отношении стратегически важной линии КВЖД.

По мнению русских пограничников, деятельность германской разведки на северо-востоке Китая была организована следующим образом: кайзеровские подданные, проживавшие в городах Чанчунь, Гирин, Хулань, Бодунэ, Саньчагоу и др., действовали лично или через принадлежащие им фирмы, формируя сеть из платных агентов-китайцев и передавая собранные сведения в ближайшее германское консульство. Последнее по мере накопления информации направляло её в генеральное консульство Германии в Тяньцзине, а оттуда она поступала в главную германскую резидентуру в Шанхае [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 24 об.].

Помимо шпионажа и диверсий, в деятельности агентуры Центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны можно выделить такие направления, как дестабилизация социально-экономической обстановки, антирусская пропаганда и помощь германским и австро-венгерским военнослужащим, бежавшим из русского плена. В свою очередь, работа русской контрразведки состояла в выявлении и нейтрализации агентов противника на местах, а также в предупреждении появления его новых эмиссаров извне. Для иллюстрации того, каким образом наши военные пытались решать первую задачу, можно привести следующие примеры. С началом войны Управление КВЖД обратилось к китайским властям с просьбой интернировать немцев, служивших на сахарном заводе в Хуланьчэне в 25 км к северу от Харбина. На предприятии проживало 12 чел., некоторые с семьями. Немцев поселили за городом, на берегу р. Сунгари, поместив под надзор китайской полиции. Правда, спустя какое-то время выяснилось, что интернированные пользуются близостью реки и свободно ездят на лодках в Фуцзядянь — китайскую часть Харбина. Полиция сопровождала их, но русские власти о поездках не информировала, что давало поднадзорным возможность свободно передвигаться по столице КВЖД. Более того, проверка показала, что по месту интернирования осталось только 6 немцев, а остальные свободно разъехались в неизвестном направлении [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23]. В самом Харбине 16 (29 н.ст.) октября 1915 г. русской полицией были задержаны лица, обвиняемые в причастности к организации диверсий на железной дороге [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23].

На Восточной линии КВЖД подозрение военных вызвал германский подданный Киль, служивший сортировщиком леса на таёжной концессии Скидельских близ станции Силиньхэ. Будучи уличён в слежке за перевозкой военных грузов, он покинул полосу отчуждения дороги в мае 1915 г. по решению администрации [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23 об.]. Позднее Киля обнаружили в Чанчуне, где вместе с австрийцами Прокешем и Новотным он помогал русским, желающим уклониться от призыва на военную службу [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7—7 об.].

Вторая задача контрразведки была особенно актуальна на Западной линии КВЖД, проходившей по самым диким и малонаселённым районам Маньчжурии. Здесь борьбе с германскими агентами помогали власти Барги, не подчинявшиеся правительству Китая и пользовавшиеся русской поддержкой. В декабре 1916 г. баргуты заявили эмиссару монгольских

повстанцев Пушу-ламе, что свою главную цель видят в том, чтобы «обессилить Китай, выгнать дауров из Барги и содействовать охране КВЖД, на которую уже было 3 своевременно обнаруженных покушения». По словам баргутов, первая попытка диверсии была предпринята зимой 1915 г. и закончилась гибелью 11 немцев. Вскоре после этого из Пекина в Маньчжурию была отправлена новая группа агентов, также уничтоженная в Барге. Третий отряд, состоявший из немцев и китайских наёмников, был ликвидирован в конце 1916 г. возле границ Халхи [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 2 об.]. В первом случае речь, несомненно, идёт о германском военном аташе капитане Вернере фон Паппенгейме, проникшем в Северную Маньчжурию под предлогом охоты с отрядом из 7 немцев, 4 китайцев и 1 монгола. Истинной целью капитана являлся подрыв Хинганского тоннеля КВЖД, о чём своевременно узнало русское консульство в Хайларе. На поиски диверсантов был послан отряд 5-го Заамурского конного пограничного полка, однако 20 февраля 1915 г. Паппенгейма и его спутников убили люди предводителя харачинских монголов Бабучжаба [4, с. 44; 6, р. 64].

Антироссийская деятельность подданных Центральных держав в Маньчжурии была разной. Так, многие из них подозревались русскими властями в продаже оружия бандитам (*хунхузам*). К примеру, в Чанчуне в августе 1914 г. поселился немец Бракенхофт (Брокенгорф), ранее служивший в английской табачной компании. После объявления войны он был уволен и поступил на службу к германскому консулу в Мукдене. В Чанчуне Бракенхофт встал во главе фирмы «Дафэн янхан», легально торговавшей сельскохозяйственным оборудованием, а нелегально — оружием. Фирма была богатой: один склад занимал двухэтажное здание. С началом войны рынок сельскохозяйственных машин упал и Бракенхофт активизировал свой оружейный бизнес, попав под надзор китайской полиции. В начале октября 1915 г. он вывез в г. Саньчагоу (совр. г. Дуннин) партию из 18 пистолетов Маузера с патронами, а также другое оружие, которое сбыв хунхузам. Из Саньчагоу немец отправился в неизвестном направлении, однако уже 19 октября вместе с каким-то китайцем сошёл с парохода «Благовещенск» в Фуцзядяне [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23 об.].

Во второй половине 1916 — начале 1917 г. русская контрразведка в Маньчжурии отметила усиление работы германской агентуры. Центром планирования операций являлось германское консульство в Мукдене, а главной базой агентов служил Чанчунь. Деятельность немцев по-прежнему осуществлялась в трёх направлениях: 1) организация диверсий на железной дороге и нападений на военнослужащих Заамурского округа ОКПС; 2) «возбуждение китайского населения против русских»; 3) содействие побегам военнопленных из России и помощь при их передвижении по китайской территории [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7]. Германским агентам приписывалась организация нападения на двух рядовых пограничной стражи, в октябре 1916 г. посланных на ст. Кайюань с целью закупки мулов для нужд армии. 18 (31 н.ст.) октября 1916 г. неизвестные китайцы выстрелили из револьверов убили одного солдата и ранили другого. Расследование выяснило, что никаких поводов для личной ненависти к себе солдаты

не давали, и нападение «было задумано, без всякого сомнения, исключительно для прекращения той цели, для каковой нижние чины были командированы на ст. Кайюань» [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7].

Разведка округа утверждала, что нападение было организовано уже упоминавшимся выше Стифлером, в конце июля 1916 г. внезапно покинувшим Бодунэ и переселившимся в Чанчунь. Проживая за северными воротами китайского города, он выдавал себя за скупщика меди и кож, однако коммерцией не занимался. У местного градоначальника (*даотая*) Стифлер вообще числился уехавшим в Тяньцзинь. При себе он имел переводчика, которого китайские власти считали непосредственным организатором нападения на русских солдат. Немец поддерживал многочисленные связи с китайцами: как полагали русские контрразведчики, он посылал их на север с различными тайными поручениями, в т.ч. и для помощи военнопленным. 21 января (3 февраля н.ст.) 1917 г. Стифлер внезапно уехал обратно в Бодунэ в сопровождении двух других немцев. Там он остался, а его спутники проследовали в Цицикар.

Помимо Стифлера в начале 1917 г. в Чанчуне проживали и другие лица, подозревавшиеся в тайной деятельности в интересах Германской империи. Так, Мумме якобы занимался отправкой беглых военнопленных на юг Китая и собирал военные сведения о России при помощи наёмных корейцев. Некто Крогман (он же Кронштейн), работавший под прикрытием фирмы «Гаодэ янхан», активно контактировал с жителями Харбина Либарским и Котовичем, подозревавшимися в экономическом шпионаже в пользу Германии. Связи с Крогманом поддерживал также некий Кордес — немец, часто приезжавший в Чанчунь. Ещё один немец, Альфонс Бронненгеерт, торговал в Чанчуне опиумом, попутно получая от своих клиентов самую различную информацию.

Помимо постоянных резидентов в Чанчуне появлялись визитёры, например, тот же Бракенхофт, рядом с которым в городе постоянно были одни и те же китайцы (Чэнь Би и Лю Лицюань), или Готлиб, приехавший из Харбина и прекрасно владевший русским языком.

В числе предполагаемых германских агентов в Чанчуне оказалось и несколько японцев. Один из них, по фамилии Хираяма, даже был выслен из города по ходатайству японского консульства [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7—7 об.].

Следует отметить, что передача вражескими агентами собранных сведений облегчалась наличием в Маньчжурии двух независимых почтовых служб — русской и китайской. С началом военных действий русские власти ввели цензуру, однако китайская почта этим правилам не подчинялась, что играло на руку германской разведке. Работой китайских почтовых отделений всей Северной Маньчжурии руководил Г. Хаслунд — норвежец, прекрасно владевший немецким, английским и русским языками. Он жил в Харбине, где вёл светский образ жизни и поддерживал широкий круг знакомств. Хаслунд быстро попал в поле зрения русской контрразведки, которой в июле 1915 г. удалось ознакомиться с личной корреспонденцией норвежца, адресованной в Пекин. Там почтовое ведомство возглавлял

гражданин Франции, а его заместителем был немец. Среди прочих бумаг в отправлении находилось письмо, содержащее сведения о русских военных заказах в Америке и движении войск по КВЖД [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23].

Хаслунд активно продвигал идею расширения обмена между китайской почтой Маньчжурии и русской почтой в Приамурье. По условиям русско-китайского почтового соглашения 1909 г., такой обмен осуществлялся только на ст. Пограничная. В июне 1914 г. норвежец предложил дополнить список Сахалином (совр. г. Хэйхэ), Суйюанем, Хулинем и Хуньчунем. Все эти пункты имели важное стратегическое значение: Сахалин стоит на берегу Амура против Благовещенска, Суйюань напрямую связан с Хабаровском по р. Сунгари, а Хулинь — с Иманом (совр. г. Дальнереченск) по р. Усури, Хуньчунь соседствует с заливом Посыет и Владивостоком. Хотя предложение было сделано в мирное время, русские военные расценили его как попытку расширить информационные возможности германской агентуры. После объявления войны Хаслунд поспешил поменять состав своих служащих в полосе отчуждения КВЖД: все представители недружественных России держав получили перевод, а на их место пришли подданные стран Антанты. Этот шаг не смог поправить репутацию норвежца в глазах администрации «Желтороссии». Последней каплей, переполнившей чашу её терпения, стало подозрение Хаслунда в участии в упоминавшейся выше организации Этингера, укрывавшей беглых военнопленных. В конце концов, под давлением русского МИД, он был заменён на своём посту англичанином [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 24—24 об.]. Тем не менее полного контроля над китайской почтой в Маньчжурии русским добиться так и не удалось.

Важным объектом прогерманской деятельности в годы войны было местное население Маньчжурии. Стремясь использовать его в своих интересах, немцы применяли метод кнута и пряника. Так, на скотобойню в Мукдене, выполнявшую заказы русских купцов, в конце ноября 1916 г. явился немец, который запугивал рабочих слухами о предстоящем якобы вскоре взрыве предприятия. Когда эта попытка не удалась, на бойню был послан переодетый полицейским китаец, требовавший от администрации прекратить работу. В конце декабря того же года в Мукден приехал немец Шаллер, представлявший в Пекине фирму Круппа. Он встретился с германским консулом и передал последнему крупную сумму денег на новогодние подарки местным китайским чиновникам. После этого Шаллер нанёс визит мукденскому *дуцзюню* Чжан Цзолиню и заявил, что уполномочен отсрочить выплату провинцией долгов германским предпринимателям (взамен требовалась благосклонность к фатерланду и его интересам). В мукденском консульстве Германии часто устраивались обеды и праздники, на которые приглашались китайские чиновники, получавшие при этом дорогие подношения. В 1917 г. в консульстве с особой пышностью — с фейерверком, в присутствии *дуцзюня* и офицеров его штаба — был отпразднован день рождения кайзера Вильгельма II. На церемонии присутствовал чиновник от Цицикарского губернатора. После обеда гости-немцы

участвовали в подписке, давшей 470 долларов в фонд помощи беглым военнопленным [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7 об.].

Антироссийская пропаганда в Маньчжурии осуществлялась немцами «по особому плану». Этой работой также руководило консульство в Мукдене через доверенных лиц в Чанчуне, Гирине и Фуцзядяне. К числу агентов принадлежал Ван Юнчжи (Ван Мукунь) — редактор русофобской газеты «Синдун чуйбао», издававшейся в начале войны в Фуцзядяне. Хотя по требованию русского генконсульства в Харбине газету закрыли, Ван тут же организовал в Фуцзядяне «информационное бюро» и принялся рассылать русофобские статьи в различные газеты Китая — «Миньшибао», «Миньсубао», «Синьвэньбао», «Цзичан жибао». Кроме того, он участвовал в издании гиринской газеты «Сингун хэбао», где печатался под разными псевдонимами. Материал для многих публикаций Вана, по мнению русской контрразведки, предоставлял китаец Чжан Фушэн — главный агент Германо-китайского телеграфного агентства в Мукдене. Он же был посредником между германским консульством в Мукдене и его китайцами-осведомителями, которых Чжан снабжал инструкциями [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 9].

В ноябре 1916 г. Ван Юнчжи получил от германского консульства субсидию и уже через месяц начал выпускать в Фуцзядяне газету «Мэйжи синьвэнь», главной целью которой русские военные считали «более широкое распространение в Северной Маньчжурии телеграмм Германо-китайского агентства». Консульство признало недостаточным тираж ранее использовавшейся для этого гиринской газеты «Сингун хэбао». Брат Чжан Фушэна — Чжан Шаоянь — был командирован в помощь Вану и поселился в Фуцзядяне. Тесную связь с Ваном и Чжаном поддерживал начальник «Лесо-каменного бюро» в Харбине Сунь Дэшэн, весьма осведомлённый о русских делах в этом городе. Под псевдонимом Дэ чиновник также писал для газет «Сингун хэбао» и «Мэйжи синьвэнь». Ещё одним активным корреспондентом фуцзядяньского листка был китаец Ши Луфэнь. Посредниками между агентами и консульствами выступали германские коммерсанты Ридель и Ретгер, а также китаец Суй Юй, прекрасно говоривший по-немецки.

Помимо собственных публикаций германские агенты активно проплачивали антирусские статьи в других китайских изданиях. В конце 1916 г. за несколько публикаций редакция «Дунсаньшэн чжэнжибао» получила 500 долл., а редакция «Тайдун жибао» — 300 долл. [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 9—9 об.].

Главными направлениями германской газетной агитации были:

- 1) распространение слухов о катастрофических поражениях русской армии;
- 2) подрыв доверия населения к русской валюте, имевшей широкое хождение в Маньчжурии.

Так, писалось, что русских рублей напечатано уже на 10 млрд, что эта денежная масса не имеет никакого обеспечения и в самом скором времени вся она неминуемо обесценится. Штаб Заамурского округа ОКПС отмечал: «...такая агитация чрезвычайно колеблет доверие китайцев к русским

деньгам и играет на руку всем лицам и учреждениям, занимающимся спекулятивной деятельностью, основанной, главным образом, на игре на понижение нашего рубля» [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 9 об.].

В Мукдене материалы антироссийского содержания печатала газета «Дэхуа жибао» (Германо-китайская ежедневная газета). Кроме того, в январе 1917 г. там же появились листовки, распространённые тайным обществом «Жэньцзюнь гунцзинхуэй» («Массы за всеобщий прогресс»), которое пользовалось германской поддержкой. В прокламациях содержались призывы отказаться от приёма русских денег, а также обвинения в адрес России, якобы намеренной компенсировать свои военные потери за счёт территориальных захватов в Китае [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 30]. В Гирине главным прогерманским агитатором был некто Чжао Чжучэнь, не имевший легального состояния, но при этом ежедневно закатывавший пирушки для местных журналистов. Чжао сотрудничал с газетами «Синьгун хэбао» и «Цзичан жибао», а также распространял в городе вышеупомянутую «Дэхуа жибао».

Китайские власти относились к германской пропаганде безучастно, лишь настойчивые протесты русских дипломатов по поводу слишком резкой статьи побуждали их сделать замечание редакции той или иной газеты. Впрочем, эти внушения носили чисто формальный характер [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 9 об.].

Военнопленные Центральных держав беспокоили русские власти Маньчжурии не меньше, чем шпионы, диверсанты и провокаторы. Совершая побег из мест заключения в Сибири и проникая на маньчжурскую территорию, пленные становились источником опасности как в качестве боевого резерва вражеской резидентуры, так и в роли возможных «инструкторов» на службе китайской преступности.

17 (30 н.ст.) ноября 1915 г. русское консульство в Гирине направило отношение № 939 на имя губернатора (*дуду*) Гиринской провинции, в котором говорилось: «...хунхузы снабжаются оружием немцем Бракенхофтом, проживающим в Чанчуне и периодически совершающим поездки в Саньчагоу; там же находятся 2 германских офицера и 3 нижних чина, бежавшие из Уссурийского края, которые руководят действиями хунхузов, нападающих на наши пограничные местности» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 569. Л. 276]. Проверить сведения губернатор поручил комиссару по иностранным делам провинции Гирин, который не смог учесть Бракенхофта в приписываемых тому действиях [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 569. Л. 287 об.—288]. По поводу военнопленных комиссар сообщил, что в августе 1915 г. в Саньчагоу с русской территории действительно проникли 7 австрийцев, которые тут же были интернированы китайскими властями. Пятерым пленным удалось бежать из-под надзора в уезд Суйюань, где их задержала полиция и препроводила в уезд Тунцзян, там 3 августа, по выражению китайского чиновника, австрийцев «отняли» русские пограничники [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 569. Л. 281—282]. Эта акция вызвала недовольство китайских властей, т.к. по условиям русско-китайских договоров они обязаны были выдавать России только уголовных преступников,

являющихся её подданными. В отношении военнопленных действовала Гаагская конвенция 1907 г., согласно которой чины воюющих армий, попавшие на территорию нейтрального государства, подлежали интернированию его властями. Русскому консулу в Гирине (совр. г. Цзилинь) В.А. Братцову, а затем и посланнику В.Н. Крупенскому пришлось объясняться с МИД Китайской Республики, однако вопрос был улажен после указаний российской стороны на многочисленные факты безнаказанной подрывной деятельности немцев на территории Китая [2, с. 93—94].

Проблема бегства пленных немцев и австрийцев из мест их содержания в Сибирском, Иркутском и Приамурском военных округах стояла весьма остро. Только в Иркутском военном округе летом 1915 г. скопилось 200 тыс. пленных, условия содержания которых не выдерживали никакой критики. Наличие цепи казачьих станиц и кордонов вдоль границы, а также проверка пассажиров на железных дорогах делали бегство в Китай достаточно трудным [1, с. 155, 167—168]. На территории Приморской области по состоянию на 22 апреля 1915 г. находилось 41 008 военнопленных. За два года (1914—1916) добраться до Китая удалось не более чем сотне человек [2, с. 20, 92]. Для успешного пересечения границы пленным была необходима помощь, которую предоставляла всё та же германская агентура.

В начале октября 1915 г. возобновилась перевозка по КВЖД военнопленных из России в Приамурье и обратно. Только за октябрь из эшелонов бежало 16 человек:

Дата	Место	Кто бежал	Результат
Ночь на 11 (24 н.ст.) октября 1915 г.	Перегон Чингисхан-Барим.	Австрийцы Рудольф Нейман, Сандра Омари, Антон Герец, Альфред Шифлер (офицеры в чинах от прапорщика до штабс-капитана).	Скрылись.
Ночь на 12 (25 н.ст.) октября 1915 г.	У западного семафора ст. Харбин.	Немцы фон Дице и Деладаас (офицеры-улань).	Задержаны ополченцами 618-й дружины и ж/д полиции.
Ночь на 13 (26 н.ст.) октября 1915 г.	Перегон Харбин-разъезд Ченгауз.	Немцы: офицеры-лётчики Карл Клейман, Эвирт Леман, Эрих Кимингер, пехот. офицер Адольф Прун.	Скрылись.
Ночь на 15 (28 н.ст.) октября 1915 г.	Перегон Модаоши-Хайлин.	Австрийцы Камерле и Шписс (офицеры).	Скрылись.
Ночь на 17 (30 н.ст.) октября 1915 г.	Перегон Цицикар-Фулярди.	Австрийцы: офицеры Карл Беккер, Ганс Кальман, кадет Артур Цира.	Г. Кальман при прыжке с поезда повредил ногу и был задержан, остальные скрылись.
Ночь на 19 октября (1 нояб. н.ст.) 1915 г.	Перегон Халасу-Турчиха	Австриец Фриц Беккер (офицер-лётчик).	Скрылся.

Источник: [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23].

Побеги пленных происходили или близ Харбина, или на участке Турчича-Цицикар. Контрразведка объясняла это наличием в указанных местностях вражеских агентов. Так, на станции Фулярди имелся водочный завод фирмы братьев Поповых, где с началом войны появились подозрительные лица — некто Прейсман, австриец фон Бранзен, немец Рейхардт и немка Марковиц. Завод располагался в 2 км к югу от ст. Фулярди, на берегу р. Нонни, близ дороги на Пекин. Владельцы жили в России и не контролировали дела предприятия [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23 об.]. Штаб Заамурского округа сообщил о сложившейся ситуации в управление железнодорожной полиции, но чем закончилась эта история, автору статьи неизвестно.

16 (29 н.ст.) октября 1915 г. по постановлению Пограничного окружного суда в Харбине было арестовано несколько человек, обвиняемых в пособничестве побегу военнопленных. Основанием послужили сведения, полученные от одного из беглецов, задержанного в полосе отчуждения. Работая с ним, следствие установило, что на Дальнем Востоке существует целая организация во главе с турецким евреем Этингером, помогающая военнопленным бежать из России, добираться до Тяньцзиня или Пекина, а затем выезжать в Европу. В числе прочих в Харбине были арестованы доктор медицины барон Беннингаузен-Будберг, раввин Киселёв, служка синагоги Ильинский и еврейка Гусак. Беннингаузену-Будбергу приписывали скупку в Хайларе шерсти для германских нужд, кроме того, он владел пароходом «Харбин», на котором в самый канун арестов убыли в Бодунэ двое «подозрительных немцев», также считавшихся беглыми военнопленными. К Будбергу в Харбин часто приезжали немцы из других уголков Маньчжурии, например, из Хуланя.

В Бодунэ (совр. г. Фуюй) прикрытие вражеской агентуры осуществляла германская хлеботорговая компания Неймана «Нюмань янхан». Её делами заправлял некто Стифлер (Стефлер), также владевший фирмой «Дэмаотан». Являясь доверенным лицом германского консула в Мукдене, он не вёл никакой коммерции, однако активно переписывался с Тяньцзинем и Пекином. Консул Германии лично обратился к начальнику уезда Фуюй с просьбой оказать покровительство Стифлеру, после чего немцу предоставили полицейскую охрану. Русские подозревали, что именно ему доктор Беннингаузен-Будберг передоверил судьбу двух военнопленных накануне своего ареста. Наконец, в Гирине (совр. г. Цзилинь) проживал немец Людерман (Луттерман), также опекавший беглецов. До войны он жил в Николаевске-на-Амуре, а его семья содержала в Гирине недорогую гостиницу «Дэхэ». Окончательно перебравшись в Маньчжурию, Людерман организовал в своей гостинице что-то вроде «немецкого клуба». Интересно, что Людерман состоял в тесных отношениях с Бракенхофтом. Последний также подозревался русскими властями в пособничестве беглым военнопленным: во время своей поездки из Саньчагоу в октябре 1915 г. он якобы добрался с этой целью до Хабаровска [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 23. Л. 23 об. — 24]. В апреле 1917 г., в преддверии вступления Китая в Первую мировую войну на стороне Антанты, гостиницу Людермана проверила китайская полиция.

В ходе обыска были обнаружены 2 шашки, 1 штык, 1 револьвер, 25 патронов к нему и 15 винтовочных патронов. По словам Людермана, всё это он получил на хранение от владельца закрывшейся немецкой фирмы «Дафэн янхан». Кроме того, немец признался, что по поручению германских военнопленных писал письма, отправляя их из Гирина от своего имени. Имущество Людермана было описано полицией, однако конфискации не подвергалось [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 120]. Русские военные отмечали, что Людерман производит впечатление успешного коммерсанта, хотя не имеет значительных доходов от гостиницы и не ведёт никакой иной торговли. В штабе Заамурского округа ОКПС немца считали штатным агентом германской разведки [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7—7 об.].

В 1916 г. в посёлке при станции Дуйциншань чины пограничной стражи задержали двух австрийских офицеров, бежавших из плена со станции Даурия Забайкальской железной дороги. При их обыске была найдена записка, в которой стенографическим способом излагались фамилии и адреса лиц, проживающих на станциях Хайлар и Куаньчэнцзы и оказывающих содействие беглым военнопленным,двигающимся вдоль линии дороги.

До конца 1916 г. разведке округа удалось выявить ещё три пути, по которым происходили побегии немцев и австрийцев из Приамурья в Маньчжурию.

1-й путь вёл из Благовещенска по торговому тракту через Мэргэнь на Цицикар. 1 (14 н.ст.) января 1917 г. в цицикарское полицейское управление явились несколько австрийцев, заявивших, что они бежали из русского плена во время купания в Амуре, и попросивших покровительства китайских властей. Губернатор распорядился принять беглецов со всей предупредительностью, снять для них особое помещение в северной части города и обеспечить переводчиком и прислугой.

2-й путь вёл в уезд Мишань выше оз. Ханка. В уездах Мишань и Мулин проживало множество китайцев, говоривших по-русски и охотно поступавших к беглецам в проводники. Из указанных уездов пленные ехали по тракту через Баньцзехэ, Лаоелин, Шанлянцзы и Сячэнцзы. Линию КВЖД они переходили западнее ст. Мацяохэ или в 10 верстах к северо-западу от г. Мулин, у ст. Сячэнцзы, а также юго-западнее Мулина — у местечка Ганьмяньши (в 10 км от ст. Даймагоу). Ещё одним популярным местом перехода через линию были окрестности ст. Модаоши. Командование округа считало этот канал самым используемым, что следовало из письма германского и австрийского консулов в Тяньцзине на имя губернатора провинции Гирин. Дипломаты просили его переправлять в Тяньцзинь военнопленных, бегущих из России и находящихся в уездах Хулинь, Дунин, Хуньчунь и Суйюань. Таковых, по информации консулов, насчитывалось до 30 человек.

3-й путь был намечен германским консульством в Мукдене и вёл с Амурского по Сунгари до г. Саньсин, а оттуда — по реке к Харбину. Не доходя до

города, маршрут уводил на восток, через Бинсянь и Ашихэ (или же Чаншоу), на Гирин [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 8].

По сведениям русского консульства в Тяньцзине, пленные, бежавшие из сибирских лагерей и желавшие обойти строгий контроль пассажиров на станции Маньчжурия (совр. г. Маньчжоули), покидали поезда на подъезде к ней и далее следовали в Чанчунь на наёмных китайских повозках. На ст. Пограничная (совр. г. Суйфэньхэ) в 1915—1916 гг. действовала группа местных евреев, помогавших беглецам из Приморской области добраться до Харбина [2, с. 101—102].

В начале декабря 1916 г. в г. Саньсин, чтобы устроить там убежище для беглецов, был командирован из Мукдена германский подданный Ретгер. Он владел китайским, русским и японским языками, занимался коммерцией и часто выполнял поручения германского консула. По сведениям русской разведки, Ретгер имел постоянное жительство в Гирине, где содержал фирму «Дэли янхан». Коммерсант получил от консульства необходимые средства и следующие инструкции:

- 1) до конца войны находиться в Саньсине;
- 2) отправить в Хабаровск и другие нужные пункты на русской территории агентов-китайцев;
- 3) с помощью этих агентов организовывать побег германских и австрийских военнопленных;
- 4) использовать любую возможность для нанесения вреда русским интересам в Маньчжурии;
- 5) по окончании войны вести работу в интересах германской торговли в Саньсине.

При себе Ретгер имел толкового помощника-китайца, свободно говорящего по-русски и по-немецки, а в багаже эмиссара лежало 40 упакованных комплектов гражданской одежды для военнопленных. Китайские власти выдали Ретгеру охранный лист и снабдили конвоем из четырёх солдат (разведка округа отмечала, что эта акция германского консульства изначально проходила с ведома китайских властей). В Саньсине Ретгер должен был обратиться с рекомендательным письмом в китайскую фирму «Иньчэнхао», на подворье которой и планировал поселиться.

Предполагалось, что из Саньсина Ретгер будет направлять военнопленных в Гирин, где их встретит Людерман, после чего они поступят в лагерь для интернированных лиц и далее — в распоряжение Тяньцзиньского германского консульства [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 8—8 об.].

Русские власти сильно тревожило присутствие беглых военнопленных в Маньчжурии в связи со слухами об их участии в преступной деятельности хунхузов. Кроме того, командованию Заамурским округом ОКПС было известно о планах германской разведки использовать китайских разбойников для организации диверсий против КВЖД. «Инструкторы» из числа немецких или австрийских военнопленных могли существенно облегчить выполнение этой задачи. По сведениям русских военных,

в середине декабря 1916 г. германский консул командировал из Мукдена в уезды Дуннин и Мишань двух немцев, фамилии которых китайцы проносили как Ганагэнь и Юйлигай. Сопровождаемые несколькими китайцами, они должны были разыскать самого влиятельного хунхуза Гиринской провинции Ван Линя и привлечь его на службу для порчи железной дороги [РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 25. Л. 7 об.]. Дело в том, что этому бандиту был не чужд патриотизм: в течение 1915 г. он дважды предлагал военным властям Гирина свою помощь в случае их возможных действий против японцев и русских. В августе 1917 г. в очередной раз распространились слухи о появлении в рядах шайки Ван Линя германских военнопленных. Это побудило гиринского *дуцзюня* (командующего провинциальными войсками) Мэн Эньюаня начать переговоры с Ван Линем и привлечь хунхуза на военную службу [3, с. 304—306]. Много позже, в начале 1930-х гг., бывший бандит прославился в борьбе с японской агрессией в Маньчжурии под именем Ван Дэлинь.

По условиям нейтралитета, а после вступления в войну 14 августа 1917 г. и в силу союзнического долга по отношению к Антанте, Китайская Республика в обязательном порядке принимала меры по интернированию германских и австрийских военнослужащих, оказавшихся на её территории. К концу 1915 г. в одной только Гиринской провинции скопилось 27 военнопленных Центральных держав [2, с. 103]. Поначалу проживание военнопленных и надзор за ними организовывались на местах, однако в январе 1916 г. в Гирине для них был организован специализированный лагерь (*Вайцзюнь шоужунсо*).

Предполагалось, что лагерь будет вмещать около 100 чел., однако в итоге пришлось ограничиться 30-ю [2, с. 103; АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 124]. Первыми обитателями лагеря стали 5 турок и 3 австрийца. Комиссар по иностранным делам провинции жаловался губернатору, что лагерное начальство содержит военнопленных «уж очень роскошно»: им покупают хорошие костюмы, кормят не солдатской пищей и даже выдают карманные деньги. Когда 30 декабря 1916 г. в Гирин привезли 3 немецких офицеров, им даже позволили жить не в лагере, а... в гостинице Людермана [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 28—29]. В апреле 1917 г. провинциальный комиссар по иностранным делам писал начальнику лагеря Ван Цзегуну: «Из отчетов по содержанию военнопленных я усматриваю, что в несколько месяцев (2—3) истрчено более 2000 долларов, часть коих пошла на выдачу военнопленным карманных денег. Не говоря о том, что выдача военнопленным на руки денег является излишней роскошью (тем более что они тратят их по японским публичным домам, посещение коих может рано или поздно вызвать различные недоразумения), я нахожу, что и содержание их, пища и одежда поставлены на очень широкую ногу. Почему предписываю на будущее время уменьшить расходы по содержанию военнопленных, а также не предоставлять им той свободы, которой они пользовались в отношении отлучек в город и проч.» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 96—98].

Отметим, что при учреждении лагеря китайские власти положили на его содержание 5—6 тыс. канадских долларов в месяц [2, с. 103]. Гиринский полицмейстер в марте 1917 г. также доносил губернатору о недопустимых вольностях в поведении интернированных. Последние отправляли письма в Тяньцзинь, Пекин, Мукден и др. пункты без цензуры со стороны китайских властей. Чиновник считал крайне нежелательным и посещение военнопленными японских домов терпимости, «т.к. большинство из содержателей этих заведений бывшие офицеры, и можно опасаться, что рано или поздно произойдёт столкновение между ними и военнопленными на почве военных событий» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 74].

Весной 1917 г. гиринский губернатор предписал начальникам приграничных уездов отправить пленных — немцев, австрийцев и турок — в Гирин, «дабы ввиду близости уезда к русской границе они, во время пребывания там, не могли совершить или подготовить каких-либо неприязненных действий во вред России». Посланник Австро-Венгрии тогда же просил МИД Китайской Республики не задерживать в Гирине австрийских военнопленных, а сразу переправлять их в Тяньцзинь, где имелось консульство этой державы [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 96—98].

В апреле 1916 г. в лагере проживало 26 чел., однако часть их была отправлена в Пекин [2, с. 104]. Ровно через год число «постояльцев» уменьшилось до 14. Задержанные военнопленные из провинции Хэйлунцзян также направлялись в Гирин [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 124]. В мае 1917 г. прошло совещание комиссара и начальника лагеря, в ходе которого последнему было предложено принять строгие меры по надзору за обитателями лагеря, а именно:

- 1) допускать свидания только в определённые часы, в определённом месте и в присутствии переводчика;
- 2) досматривать почтовые отправления военнопленных, задерживая всё подозрительное;
- 3) запретить пленным прогулки возле военных казарм, оружейного завода и прочих стратегических объектов;
- 4) подвергать пленных регулярному досмотру на предмет наличия оружия [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 151].

Летом 1917 г. Гирин стал испытывать определённые трудности с содержанием пленных. 23 июля 1917 г. комиссар по иностранным делам доносил губернатору провинции: «...в настоящее время в лагере содержится 20 с лишним человек пленных австрийцев и турок. Ежемесячно на содержание их расходуется более 1000 мексиканских долларов. Получать деньги от Финансового управления провинции представляет много затруднений ввиду того, что в означенном управлении нет на это специального кредита. Вскоре придётся приобрести для военнопленных зимнюю одежду, на что потребуются также немало денег. Начальник лагеря просит распоряжения губернатора об открытии постоянного ежемесячного кредита. Если же отпуск такового... представляется невозможным, то придётся

снести с Пекином на предмет отправления всех военнопленных в Пекин, в главный лагерь» [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 194].

В 1916—1917 гг. в Северо-Восточном Китае создаются ещё два лагеря для военнопленных в Лунцзяне и Хайлуне (оба в провинции Хэйлунцзян). Всего на территории Китайской Республики было 8 лагерей для военнопленных: 3 в Маньчжурии, 2 в Пекине, 1 в Тяньцзине, 1 в Нанкине и 1 в Синьцзяне. В декабре 1918 г. на территории страны находилось 1033 военнослужащих Центральных держав [5, с. 111]. Несмотря на это, многие из беглецов продолжали нелегально оседать по всей Маньчжурии, в том числе и вдоль границы с Россией [2, с. 105].

Весной 1917 г., когда в Маньчжурии стало известно о намерении правительства Китая вступить в войну, положение агентуры Центральных держав в регионе резко изменилось. С этого момента ею активно занялись местные китайские власти. 4 марта в Гирине прошло совещание при губернаторе провинции, в котором участвовали начальник полиции, комиссар по иностранным делам и начальник финансового управления. На совещании было решено, что:

- 1) все торговые и финансовые операции с Германией и отдельными её подданными должны быть прекращены, а выплата денег — приостановлена;
- 2) путешествующие немцы должны быть задержаны и отправлены в места жительства;
- 3) германские коммерсанты, испрашивающие паспорта на выезд, должны получать таковые только в том случае, если не замечены в шпионаже и других предосудительных деяниях;
- 4) оставшиеся немцы должны поступать под надзор полиции;
- 5) недвижимость уехавших должна охраняться полицией;
- 6) немцы и австрийцы, подозреваемые в шпионаже, продаже оружия хунхузам и пр., подлежат высылке;
- 7) если кто-то из оставшихся предпринимателей-немцев станет заниматься шпионажем или скупать стратегические товары, он должен быть арестован [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 66—67].

14 марта 1917 г. китайское правительство разорвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией, а уже на следующий день полицейское управление провинции Гирин разослало по уездам циркуляр: разоружить и выселить всех германских и австрийских подданных, кроме благонамеренных купцов, постоянно проживающих в провинции. Последним разрешалось остаться под надзором полиции [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 69—70]. Последовавший вскоре отъезд консульских представителей Центральных держав из Маньчжурии лишил вражескую агентуру её главной базы, однако какое-то время она ещё продолжала действовать.

В апреле 1917 г. комиссар по иностранным делам Гиринской провинции получил из МИД Китайской Республики письмо, содержавшее высокую оценку бдительности начальника уезда Хайлун. Последний принял

меры по отношению к германскому подданному «Дэ-гэ-ли», в марте 1917 г. приехавшему из Чанчуня в Дашицяо и пытавшемуся нанять «разных подозрительных людей» для разрушения железнодорожного полотна в местности Лаошаоугоу. Начальник уезда «высказал Дэ-гэ-ли всю неблагоприятность его поступков и выселил его из пределов уезда». Русская миссия в Пекине также направила в МИД Китая признательную ноту [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 94].

Этот и другие инциденты, связанные с деятельностью германских агентов, были чреваты дипломатическими осложнениями между Китайской Республикой и странами Антанты. Осознав серьёзность возможных последствий, китайские власти учредили в различных провинциях страны сеть Временных управлений по надзору (*Линьши цзяньчасо*) — особых органов, призванных выявлять действующих агентов Центральных держав и содействовать их нейтрализации. В провинции Гирич такое управление состояло из начальника, двух инспекторов (*цзяньчаюань*) и четырёх агентов (*чжэньтаньюань*). В обязанности последних входило наблюдение за подданными Центральных держав, контроль их коммерческой деятельности, ежедневное изучение почтовых и телеграфных отправок немцев. Шифрованные послания следовало задерживать. Надзиратели должны были досматривать помещения, занимаемые немцами, и изымать запрещённые предметы. Если выяснялось, что деятельность подданного одной из Центральных держав может нанести вред Китаю, частная переписка этого лица изымалась, а само оно подвергалось домашнему аресту [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 136].

В апреле 1917 г. МИД Китайской Республики разъяснил, как следует оценивать степень опасности предосудительной деятельности германских подданных:

Особо опасная (наказание по уголовным законам)	Менее опасная (наказание по гражданским законам)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Взрывы и диверсии на военных объектах, ж/д путях и мостах. 2. Порча дамб и колодцев. 3. Набор шаек и помощь хунхузам. 4. Топографические съёмки в стратегически важных пунктах. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Издание прогерманских книг и газет. 2. Распространение слухов в пользу Германии. 3. Проживание по подложным документам.

Источник: [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 149].

В мае 1917 г. агенты сообщили комиссару по иностранным делам провинции Гирич, что в уездах Учан и Шуанчэн немцы наняли китайцев для скупки муки и зерновых. В донесении чиновника губернатору провинции говорилось: «Цель этой скупки не есть отправка в Германию, так как это теперь невозможно, а нанесение вреда этим русским, тоже скупающим хлеб в этих уездах». Комиссар просил губернатора отдать распоряжение начальникам уездов об аресте такого рода скупщиков. Тогда же в поле зрения

китайских спецслужб снова попал Людерман. К нему в Гирин приехал из Мукдена бывший германский офицер Ридель, который немедленно подвергся обыску. Не найдя ничего подозрительного, полицейские отпустили немца, установив за ним негласный надзор. Ридель был известен как доверенное лицо германского консула в Мукдене, однако после отъезда шефа остался в Маньчжурии, чем навлек на себя подозрения в наличии тайного умысла. Когда через несколько дней Ридель и Людерман собрались поехать за город в усадьбу китайского купца Нью, их снова обыскали и снова ничего не обнаружили. Немцы пояснили, что собираются заняться за городом... составлением доклада о положении дел в Гиринской провинции. Узнав об этом, начальник полиции приказал почте задерживать все письма, содержащие вложения на немецком языке [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 149—150].

7 (20 н.ст.) августа 1917 г. гиринский *дуцзюнь* провёл совещание старших офицеров провинциальных войск, на котором ещё раз указал начальникам обороны (*чжэньшоуши*) четырёх округов на необходимость слежки за европейцами. Кроме того, Мэн Эньюань направил письмо князю Южного Горлоса с просьбой выявлять возможных агентов Германии и Австро-Венгрии среди иностранцев, приезжающих в его владения. Начальник провинциальной полиции и командир жандармского батальона (*сяньбиньин*) вновь предписали своим подчинённым перлюстрировать почту германских подданных, ограничивать выезд дееспособных мужчин-немцев старше 13—14 лет (кроме увечных военнопленных), а также потребовали задерживать и доставлять в полицию немцев и австрийцев, совершивших уголовные преступления. Комиссар по иностранным делам просил губернатора запретить путешествия немцев и австрийцев в пределах провинции, с чем тот согласился [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 181—184].

10 (23 н.ст.) августа гиринский *дуду* объявил недействительными все межгосударственные и гражданские договоры, а также сделки с германскими и австро-венгерскими подданными. Это было сделано в связи с соответствующим циркуляром МВД Китайской Республики. По распоряжению Министерства путей сообщения, почт и телеграфа (последнее действовало на основании указа Президента) переписка частных лиц подвергалась жёсткому контролю. Немцам и австрийцам запрещалось отправлять телеграммы, прочие лица должны были указывать на обороте подробные сведения о себе. Шифрованные сообщения принимались только от консульств (либо по их поручительству), а от организаций — при условии заверения печатью либо под ответственность местных властей и купеческих обществ. Все телеграммы просматривал специальный ревизор совместно с начальником телеграфной конторы [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 757. Л. 185—186].

Эти и другие меры китайских властей свели на нет деятельность агентуры Центральных держав в Маньчжурии. Однако Россия уже не смогла извлечь из этого выгоду, так как вступила в пору революционного лихолетья и стремительно сдавала свои позиции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914—1917) // Немцы. Россия. Сибирь / под ред. П. П. Вибе. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 154—180.
2. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой Мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004. 177 с.
3. Киселёв Д. В. Из хунхуз в солдаты: о некоторых особенностях формирования провинциальных войск в Маньчжурии в период Синьхайской революции // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции: доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы». Москва, 19—21 октября 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 297—313.
4. Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // «Восточный архив». 2010. № 1 (21). С. 43—48.
5. Юань Цаньсин. Ичжань цицзянь Чжунго шоуэун цзи цяньхуэй Дэ Ао фулу шимо = Интернирование и репатриация германских и австро-венгерских военнопленных в Китае во время Первой мировой войны // «Чжуннань дасюэ сюэбао», Сучжоу. Т. 17. № 3, июнь 2011. Кит. яз.
6. Jamie Bisher. *White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. Routledge, 2005. 452 с.
7. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
8. РГВИА (Российский гос. военно-исторический арх.).

REFERENCES

1. Grekov N. V. *Germanskije i avstrijskije plennyye v Sibiri (1914—1917)* [German and Austrian prisoners of war in Siberia (1914—1917)]. *Nemcy. Rossiya. Sibir'*. Omsk, Omsk State Regional Historical Museum Publ., 1997, pp. 154—180. (In Russ.)
2. Ikonnikova T. Ja. *Voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914—1918 gg.)* [Prisoners of World War I in the Russian Far East (1914—1918)]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 2004, 177 p. (In Russ.)
3. Kisel'jov D. V. *Iz hunhuzov v soldaty: o nekotoryh osobennostjah formirovaniya provincial'nyh vojsk v Man'chzhurii v period Sin'hajskoj revoljucii* [From Honghuzi to soldiers: On some characteristic features of calling out provincial troops in Manchuria during Xinhai revolution]. *Vekovoj put' Kitaja k progressu i modernizacii. K 100-letiju Sin'hajskoj revoljucii. Doklady XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir: istorija, sovremennost', perspektivy"*. Moskva, 19—21 oktjabrja 2011 g. [China's century-long way to progress and modernization. To Xinhai revolution's centennium. Reports of the 19th International Research Conference China, Chinese revolution and the world: history, modernity and prospects. Moscow, October 19—21, 2011]. Moscow, Far East Research Institute Publ., 2012, pp. 297—313. (In Russ.)
4. Nostaeva E. V. *Harachinskij vopros v Barge (1917 g.)* [The Kharchin issue in Barga (1917)]. *"Vostochnyj arhiv"*, 2010, no. 1 (21), pp. 43—48. (In Russ.)
5. Yuan Canxing. *Yizhan qijian Zhongguo shourong ji qianhui De Ao fulu shimo* [Internment and repatriation of German and Austrian-Hungarian subjects prisoners of war in China during World War I]. *Zhongnan daxue xuebao*, Suzhou, vol. 17, no. 3, June 2011. (In Chin.)
6. Jamie Bisher. *White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. Routledge, 2005, 452 p. (In Eng.)